

Сосед его Карачеватин, вроде дубо-перестарка,
старик издал отмахиваясь рукой.

— Тридцать девятая, сапог.

— Какова? Ах? — оттопыривая дед Грешака пор-
щившую раковину уха.

— Тридцать девятая, сказано тебе!

— Ты же будешь? Из каких?

— Вахмистр Баклановского полка Максим Богаты-
рев. Сам роман с хутора... с хутора Крапчат Ар-
родетские Мелеховы?

— Как?

— Родетские, говорю?

— Ага. Дедом доводящий.

— Полка — то Баклановского?

— Старик потухшими глазами глядел на Ида
Грешака, катая по полам дубом непрочеванной
пучок кивал головой.

— Значит в кавказской компании пребывали?

— Е оадин порошничком баклановым, царство не-
бесное, служил. Кавказ покорили... В кам кам
шел казак редкостный... Враги гвардейского
роету, однажды сунулся... Какие финтифлюше-
и в плечах тоже. Мопешний казак поперек
улыбнулся... Вот, сапог какие народы были...
Их превозмогающее порошничком генерал в
ауле Челекчинском в одностороннем изволе меле-
плетью...

— А я в турецкой компании побывал... Ах?
Побывал, да. — дед Грешака прятал союз-
нуюсь грудь вазелиновая георгиями.

— Заняли мы этот аул на рассвете, а в полдень
играет труба тревогу...

— Довелось и нам царю белому послушничать. Под-
рошная боля бол и наш полк, 12^м донской
казачий, сразился с ихними Анаширами.

— Играет это труба тревогу... Продолжает
Бакланович не слушаю дед Грешака.

— Анаширы ихние кавраде атаманцев. Да-е!

— дед Грешака пожимает, сердится машет
рукой, — Службу при своем царе несут и
на головах у них белые мешки. Ах? Биле
мешки на головах!

— Я и говорю своему полковнику: „Это, тамочка
отступать буда, тыни повер со стены, ма-
во в торок...“